

Глава первая

«Ах, как хорошо начинается это лето! А каким счастливым был для меня, сегодняшний день!». Надя лежала на кровати в своей комнате. В раскрытое настежь окно, под тяжестью уже покрасневших местами плодов, пыталась ввалиться красивая вишневая ветка. Аккуратно обрезанные по контуру, жесткие, темно зеленые листочки, при полном безветрии, тускло отражали лунный свет, а крупные вишневые кисти, гордо поблескивали рубиновыми россыпями, приглашая полюбоваться своей красотой. Лето вступало в свои права. Была уже поздняя ночь. Стихли все обычные вечерние сельские звуки, даже неугомонные сверчки затихли, тоже, наверное, устали за день. Только иногда, эту удивительную, теплую, насыщенную запахами цветов и разнотравья, летнюю ночную тишину, нарушал грохот проносящегося через маленькую станцию, поезда, — дом, где жила Надя находился в ста метрах от железной дороги.

Мама её, — работала диспетчером на железнодорожной станции, и по совместительству — билетным кассиром. В полночь — она обычно сдавала дежурство сменщице, и, к половине первого, — приходила домой. Надя всегда ждала маму с работы, подогревала ужин; за ужином, они обменивались новостями за прошедший день и — потом — ложились спать.

Отца у Нади — не было. Он погиб, когда Надя была еще маленькой. Во время гражданской войны — отец воевал в бригаде Котовского, очищал Подолию от разных банд, а в мирное время, — работал машинистом паровоза. Однажды, при остановке на одной из станций перегона Жмеринка — Проскуров, его узнал один из недобитых петлюровцев, ночью он проник на паровоз, пырнул отца несколько раз ножом, и скрылся. С тех пор — Надя спала вместе с матерью.

Старший брат, Николай, работал в местном совхозе на тракторе, а когда его прошлой осенью призвали в армию — подросшая Надя, перешла в его комнату. Все-таки — уже седьмой класс и ей пошел пятнадцатый год. А сегодня Надя получила Свидетельство об окончании семи классов! В их пристанционном поселке была только начальная школа, школа-семилетка была в трех километрах от станции, в большом поселке, и детям, начиная с пятого класса, приходилось ежедневно, кроме выходных дней и каникул, — добираться до главной школы — самостоятельно. Это не было какой-то проблемой: — в соседнем поселке был крупный совхоз, рядом — приличный сахарный завод, и, так как отдельные люди, живущие на станции, работали в совхозе, то его руководство пошло им навстречу, в плане перевозки к месту работы и обратно.

Выделили для этих целей большую пароконную площадку (биндюг) с невысокими открывающимися бортами, ездовой на этом «такси» жил на станции, утром он набирал полную площадку «пассажиров», и работников совхоза, и школьников, доставлял их в большой поселок, а вечером после работы, в определенное время, — отвозил рабочих домой, в станционный поселок. Школьники, после занятий, где-то в течение часа, добирались домой сами. Когда площадка утром передвигалась, — это было красочное зрелище: — взрослые открывали борта (так было удобнее) и рассаживались по всему периметру кузова, дети — сидели на досках внутри взрослого «окружения». Все были довольны и проблем с перевозками и рабочих, и школьников — не возникало.

И вот, наконец, — школа для Нади и её одноклассников, — Закончилась! Сегодня, со станции, в школу отправились всего две ученицы — Надя и её подруга — одноклассница — Оля. У всех остальных школьников, живущих в пристанционном поселке, с пятого, шестого и до будущего — седьмого класса (на осень), — уже две недели, как были каникулы. Седьмой класс, выпускной, — сдавал экзамены, а сегодня — в торжественной обстановке, — им должны были вручать Свидетельства. Дома, где жили Надя с мамой и Оля с бабушкой, стояли друг напротив друга, через дорогу. С раннего утра, девочки, по несколько раз бегали друг к дружке за разными мелочами, а потом вместе отправились в соседний поселок, в школу. Не поехали на площадке — «такси» вместе с рабочими, не хотели помять свои наглаженные наряды. Обе были в одинаковых черных

расклешенных юбках, белых накрахмаленных кофточках с длинными рукавами и черных же туфлях — «лодочках». Все это было заранее куплено и пошито специально для выпускного вечера. Девочки были одинакового роста и примерно одинакового телосложения. Стройные, темноволосые, чернобровые и ослепительно красивые. Обе. Несмотря на свои пятнадцать лет, — они выглядели вовсе не подростками, а вполне созревшими девушками.

Мама Нади и бабушка Оли, долго любовались ими, провожая на первый их серьезный торжественный праздник и сожалея, что не могут принять в нем участия, — бабушка Оли, — по причине больных ног, а у мамы — заболела сменщица по работе — подменить некому, а железная дорога все же, полувоенная серьезная служба.

Три километра до школы промелькнули для девочек незаметно. Когда они вышли на школьную улицу — по обеим её сторонам, в сторону школы, шли люди. Родители, родственники, будущие семиклассники, выпускники прошлых лет и многочисленные гости. Традиционно — выпускной вечер в главной поселковой школе, — отмечался солидно, с размахом. Выпускников и гостей, музыкой, встречал духовой оркестр сахарного завода, прибыли представители местного совхоза, поселковых предприятий, представители власти — поселковой и районной, технического училища, ветераны — преподаватели и много приглашенных гостей из знатных людей поселка. Все знали друг друга, весело и шумно общались. Напряженной стайкой стояли недалеко от трибуны, — именинники — выпускники. Были выступления до и после вручения Свидетельств, а также — вручение подарков. Так сложилось, что школьники всегда помогали и совхозу, и сахарному заводу, в напряженные периоды полевых и уборочных работ, особенно в период ухода за растениями. Так как главным направлением в совхозе было выращивание сахарной свёклы, а эта культура в те времена требовала значительных затрат ручного труда, особенно при прополке от сорняков, то школьники всегда были незаменимыми помощниками взрослых и на этой работе, и в период уборки урожая. Большинство нынешних выпускников, уже по несколько лет, в период каникул, работали на совхозных полях, поэтому — и от совхоза, и от завода, им были вручены ценные подарки, а наиболее отличившимся, — и почетные грамоты.

Почетными грамотами от имени школы, были награждены пятеро выпускников, в Свидетельствах которых, по всем предметам стояла оценка «отлично». В числе этих пяти, двое было из пристанционного поселка — Надя и Оля.

Подарки от имени завода, вручал секретарь комсомольской организации, мастер цеха, высокий, стройный, крепко сложенный и обаятельный внешне, молодой парень. Звали его — Андрей. Три года назад, он с отличием окончил эту же школу, потом — производственно-техническое училище, пришел на сахарный завод и, уже несколько месяцев, возглавляет один из производственных участков. Как комсомольский секретарь, — настоящий «заводила» различных культурно-массовых мероприятий, не только на заводе, но и во всем поселке, — хорошо поет, играет в футбол и отлично стреляет.

Когда Андрей вручал Наде подарок и пожимал её руку, глаза их встретились, и — все, что было вокруг них, — мгновенно куда-то исчезло. Люди, музыка, аплодисменты, яркий солнечный день и весь этот праздник. Остались только два этих небесных создания, утонувших в глазах друг друга. Когда их руки, как магнитные полюса — сомкнулись, а взгляды — встретились, она, без всяких слов, всей своей сущностью, почувствовала, что это её- Андрей, а он, и в то же мгновение, что это — Его Надя, его Надежда!

После торжественной части — был сводный концерт художественной самодеятельности, выступали ученики школы, представители коллективов совхоза, завода и других организаций.

В заводской столовой прошел торжественный обед, а потом, на площадке перед клубом — были танцы, под оркестр. Весь вечер Андрей танцевал только с Надей, на зависть другим девчатам и на

радость женщинам, да и мужчинам старшего поколения, которые откровенно любовались этой великолепной молодой парой, подобной которой, давно не было на территории поселка. Но всему приходит конец, даже радостным танцам. Солнце клонилось к закату, — гости, и участники праздника, постепенно стали расходиться.

Так как площадка — «такси» с работниками, давно отбыла в пристанционный поселок, то Надя и Оля, направились пешком, чтобы успеть попасть домой завидно. К девушкам подошел Андрей. В руках он вел велосипед, на котором постоянно ездил на работу. «Что, девчата, ваше такси уже уехало?» — весело спросил он, — так давайте, я вас отвезу. Втроем на велосипеде, хотя и не совсем удобно, но мы с ребятами иногда ездим. Или возьмите его, да поезжайте вдвоем!». Заметно было, что он не хочет вот так просто расставаться сегодня и ищет повод продлить знакомство. Выручила верная подруга, Оля: «Андрюш! — обратилась она к парню, — Надя еще не ездила на велосипеде, а я — умею. Давайте сделаем так, — я поеду домой и потом оставлю велосипед у Нади во дворе, а когда вы придете, то ты на нем поедешь обратно. Согласны?!». Лучшего подарка для подруги и придумать было нельзя. Никто не сказал ни слова. Оля мягко взяла из рук Андрея велосипед, и через несколько секунд её уже не было видно, в сгущавшихся сумерках.

Андрей с Надей направились к мосту через речку с непонятным названием Ров, именно через него проходила дорога на станцию. Прошлись по замечательному парку, заложенному много лет назад бывшим хозяином местного имения, немецким инженером, проектировщиком и строителем железных дорог в России. Они наперебой рассказывали друг другу различные истории, связанные с этим парком, имением и его бывшими хозяевами, делились впечатлениями от сегодняшнего праздника, не касаясь ничего личного для них обоих. Когда миновали мост и направились в сторону станции, через лес, Андрей вспомнил добрым словом действия того инженера — железнодорожника, который, уже будучи хозяином этого села, при проектировании железнодорожной ветки Киев- Винница-Жмеринка и дальше — на Одессу, специально отошел от своего имения на три километра в сторону, чтобы «не нарушать покой поместья и не загрязнять окружающую его природу». В данном случае — была бы станция рядом с поселком, — и не пришлось бы провожать Надю....

Молодые люди шли по проселочной дороге, луна еще не поднималась и темнота плотно прикрывала все вокруг, а они не замечали, что уже ночь вступила в свои права и, в темно-фиолетовой темноте, в двух шагах ничего не было видно, им все было видно и слышно. В ту ночь они так и не поняли, что и как случилось, что они впервые встретились один на один, в принципе знакомые друг с другом только понаслышке, а когда пришли к дому Нади, то, им казалось, — что они были вместе с первого дня жизни. По пути — они рассказали о себе все, что знали — о родителях и родственниках, о друзьях и товарищах, о жизни вообще и поведали о своих мечтах, как на ближайшее время, так и на будущее. Не сказав об этом ни слова, оба поняли, что теперь — они должны быть вместе и — навсегда.

«Ты что думаешь делать дальше после школы?» — поинтересовался Андрей. Надя ответила, что намерена поступать в педагогическое училище, в Виннице. Здесь рядом, тридцать километров всего, ходит рабочий поезд из Жмеринки, не надо никакого общежития, можно жить дома и помогать маме, где нужно. В общем — учиться. А там видно будет.

Андрею на следующий год — идти в армию. Он сказал, что мечтает о военной службе, как профессии и будет стараться поступить в военное училище. Вот отработает, как положено, еще год после окончания профтехучилища и, неважно, — призовут его в армию или нет, через год, он все равно пойдет в училище. Отец его был военным, погиб от бандитской пули на западе Украины, вот и Андрей мечтает тоже стать военным.

Когда они дошли до дома, где жила Надя, было уже около одиннадцати часов ночи. Во дворе стоял велосипед. Андрей вывел его на улицу, попрощался. Луна уже взошла и добросовестно

разглядывала и фотографировала для себя, это нежное, не раскрывавшее истинных чувств, расставание двух молодых, чистых, открытых и радостных сердец. Они сегодня — Нашлись, не думая, да и не зная, что будет завтра. Главное — Они — Нашлись!

Андрей протянул Наде на прощанье руку. Она трепетно протянула ему свою, и поблагодарила его за все сразу: — и за поздравление, и за подарок, и за проводы домой, а главное — За то, что Он — Был, Есть и теперь всегда в ней — Будет! Но последние слова она ему не сказала — они остались у неё в душе. Да он и сам тоже — Это чувствовал, только не мог всего сказать этой чудесной пятнадцатилетней девочке. Ни о каких дальнейших встречах между ними разговор не шел, да и не мог идти. Совсем другие были времена и нравы.... Андрей уехал на велосипеде — в ночь.

Переполненная эмоциями, Надя переоделась, открыла окно, прилегла на подушку, нежно поздоровалась с вишневой веткой в лунном свете и закрыла глаза....Весь день промелькнул перед её глазами. Но над всем этим нагромождением лиц и действий, главным было одно лицо, Его лицо! «Ах, какой все-таки он чудный, Андрюша!».

Надя растопила плитку, собрала ужин и стала дожидаться маму. Когда та пришла, рассказала ей в лицах и в действиях, как прошел весь праздничный день, показала Свидетельство, Грамоту и подарки, а в конце рассказала, что её провожал домой Андрей. «Какой Андрей?» — спросила мама. «Андрей Бойко, сын тети Акулины из поселка» — пояснила Надя. «Сын Акулины? — переспросила мама — хорошо её знаю, мы вместе с ней в молодости на улицу ходили гулять!. А сына её давно не видела, слышала, что хорошим парнем стал, как и его отец. И что, он тебя провожал домой, сюда, на станцию?». «Да, мама, так получилось, было уже поздно, когда все закончилось!» — и Надя подробно рассказала маме и про велосипед, и про то, как они шли в темноте через лес домой, ну и вообще — какой он чудесный парень, тот Андрей Бойко. Мать все поняла, даже больше, но не стала дальше расспрашивать ни о чем, только спросила: «Так ты окончательно решила поступать в педучилище?». Когда Надя это подтвердила и сказала, что поступать они будут вместе с Олей, мама заявила, что послезавтра договорится на работе, и вместе с Надей и Олей, они съедут в Винницу, там найдут то училище, узнают, что там и как, какие документы надо представить, короче говоря — обо всем надо договориться при мне, а потом — вы уже будете сами туда ездить. И документы представлять, и экзамены сдавать и т. д. На том завершился их долгий разговор, и мама с дочкой отправились спать.

Через день, они втроем отправились в Винницу, рабочим поездом. Мама Нади работала на железной дороге более пятнадцати лет, была уважаемым человеком; на перегоне Жмеринка — Винница, её многие знали, и не только железнодорожники, поэтому за время поездки, к маме подходили разные люди. Одни просто здоровались — другие перебрасывались с ней несколькими фразами, что-то спрашивали или сообщали какие-то интересные новости местного масштаба, и время до областного центра пролетело незаметно.

На вокзале, в справочном бюро, — узнали адрес педагогического училища и как туда легче добраться. Добравшись до него, — удивились — если дома, в их школе, в это время было тихо и безлюдно, то в училище, как раз в этот период, было полно молодых людей, в первую очередь студентов. Шла самая горячая пора в году — итоговая экзаменационная сессия, у кого — экзамены за курс, у кого — выпускные. Дежурный по училищу привел их в комнату, где работала приемная комиссия. Там находилась всего одна молодая, добродушная на вид девушка. Она представилась — как Моника Иосифовна, секретарь приемной комиссии, спросила — с какой целью они прибыли в училище. Мама назвала себя, и представила Надю и Олю, желающих стать студентами, и сказала, что они хотели бы узнать условия поступления и учебы. А также — какие и когда, необходимо представить документы, когда и как будут проходить вступительные экзамены, как проходит зачисление в состав студентов, каков предполагается распорядок дня, в том числе время

занятий, чтобы девочки могли жить дома и ездить на занятия, не занимая места в общежитии училища.

Секретарь комиссии просмотрела представленные девочками Свидетельства, Грамоты, характеристики из школы и направления от Жмеринского РАЙОНО, осталась очень довольна и сказала, что им, как отличникам учебы, придется сдавать только один из двух вступительных экзаменов, скорее всего диктант по русскому языку, хотя вполне возможно, что приемная комиссия может принять решение о зачислении их на первый курс, вообще без сдачи экзаменов, и, что она сама поговорит об этом с членами комиссии, после регистрации и приема документов. Потом написала на листе бумаги — все, что надо иметь при себе абитуриентам — документы, справки и т. д. Сообщила, что вступительные экзамены начнутся с первого августа, и сказала также, что у неё постоянное место работы — отдел кадров училища, и она в это время, с коллегами, занята, в основном подготовкой документов на выпускников текущего года, а где-то со второй половины июля — начнет работать приемная комиссия и она, как её секретарь, будет заниматься непосредственно всеми вопросами, связанными с приемом и обработкой документов будущих кандидатов в студенты.

Но, так как девочки уже пришли к ней, да еще с мамой, то она, как кадровик, практически уверенный в том, что они обязательно станут студентами, — довольно долго и обстоятельно с ними беседовала, записала на всякий случай, все их анкетные данные, адреса проживания, привычки и увлечения, а также — кто их родители, чем занимаются или занимались. Секретарь объяснила свой интерес к ним тем, что чем больше будет известно комиссии о потенциальном абитуриенте, особенно положительных моментов, тем больше шансов у него будет на поступление.

И маме, и девочкам, очень понравилась Моника Иосифовна. Не часто встречаются такие добродушные отзывчивые люди, которые с открытой душой идут тебе навстречу, пытаются чем-то помочь, где-то предупредить или от чего-то, ненужного — оградить. А она показалась нашим героям именно такой. Довольные и окрыленные — они прибыли домой.

Еще по дороге, мама уточнила — что они собираются делать в предстоящие до начала вступительных экзаменов, полтора месяца. Надя ответила за себя и за Олю, видно они уже договорились раньше об этом: «Мам, давай мы до конца этой недели, наведем порядки во дворах и огородах, и у нас, и у Олиной бабушки, а с понедельника- пойдем и поможем совхозу в прополке свеклы. На выпускном вечере, бригадир нашей постоянной «школьной» бригады выступала, благодарила и просила помочь. Нас, выпускников, в частности — не просила, зная, что многие будут готовиться к поступлению на учебу куда-то, а так просто просила всех помочь, кто сможет. Ну а нам что? Готовиться к экзаменам не надо, тот диктант мы хоть сегодня напишем, дома — приберемся, и что — будем лежать, провожая глазами проходящие туда-сюда поезда?». Нет, мы с Олей решили с месяц поработать в совхозе — там и веселее будет; когда мы еще сможем выйти в поле после этого года! Да и что-то заработаем — пригодится какая-то копейка, лишней не будет. Хорошо мамочка?». Мама обняла обеих девочек и — согласилась. У Оли родители погибли от голода еще в начале тридцатых годов. Жили они тогда совсем в другом месте, и, когда родителей не стало, семилетнюю Олю, соседка привезла к бабушке, сюда, на станцию. Здесь Оля, вместе с Надей, пошла в школу, девочки все эти годы, жили как родные сестры, всегда и везде были неразлучны, и в школе, и вне её. Да и Надина мама, относилась к Оле, как к родной.

Вот и сейчас, Оля с радостью поддержала заявление Нади, что они наведут порядок в обоих дворах и пойдут на работу в совхоз, помогать пропалывать свеклу. Прополка посевов сахарной свеклы — занятие не очень приятное. На огромном поле, при нещадно палящем солнце, целый день махать сапой, которая к концу дня, кажется тяжелым кузнечным молотом, — не так просто.

Да еще этим первобытным инструментом надо было не просто размахивать, а аккуратно и бережно, окучивать каждое растение отдельно, не поранив, даже не поцарапав его, уничтожая при этом, пытающиеся загубить его — сорняки. Тяжелая работа даже для взрослых. А нашим девочкам она нравилась, особенно своей полезностью, масштабностью и красотой. Когда выходишь к свекловичному полю — чувствуешь особое ощущение естественной природной красоты; — если поле злаковых культур (пшеничное, ячменное), при ветре волнуется темно зелеными волнами, похожими на волны на реке, то посеvy свеклы, при том же ветре, во-первых, имеют серебристый цвет, а во — вторых — они весело поблескивая, трясутся в разные стороны, само свекловичное поле при этом, больше похоже на водную зыбь на море.

Не удалось девочкам осуществить свои планы в полном объеме. Поработали они на прополке одну неделю, а в воскресенье — было объявлено, что началась Война! На Советский Союз, без объявления войны, вероломно напала фашистская Германия.

Много было войн в прежние времена. Да и сама Подолия, как место, о котором идет речь, всего каких-нибудь двадцать лет прожила без большой войны, а локальные боевые действия по ликвидации различных националистических банд на Западе Украины, продолжались практически до самого начала этой большой, как назовут её позже «Второй Мировой» войны. Вроде бы удивить войной местное население, было трудно, тем более о возможной войне с фашистской Германией, много говорилось в последнее время, и на разных уровнях. Писали об этом газеты, говорили по радио, читали по этому поводу лекции, обсуждали тему на собраниях и в различных беседах. То есть, вроде бы ничего неожиданного не произошло и советские люди, в большинстве своем, были к этому готовы.

Но. Война, которая началась в июне 1941 года, по своим масштабам, действиям и последствиям, не имела себе равных за всю историю Земли. И никто, тем более из простых людей, не мог представить себе, что же на самом деле, и в тот момент, стояло за этим вроде бы простым словом-понятием — ВОЙНА!. Эта война, своим жестоким, мощным и безжалостным мечом, нанесла первый Удар по нашей стране в целом, разделив(разрубив) всю жизнь в СССР на две части — «до войны» и «во время войны». Ошеломив этим вероломным ударом всех советских людей одновременно (сразу), война начала сечь их по-разному, каждого в отдельности, независимо от места действия, — будь-то фронтовой окоп на передовой, заводской цех или колхозное поле.

Оцепенение, охватившее страну, в первые 7-10 дней после начала войны, прошло. Для Винницкого региона война была где-то там, далеко, на западе. Наши войска должны были не только остановить фашистских захватчиков, но и выдворить их обратно, за советскую границу. Об этом тогда говорили многие, и военные, и представители власти. Но — жизнь резко изменилась. Не стало слышно вечерних песен по селам, да и вообще никаких песен, кроме патриотических — военных по радио. Войной быстро пропиталось все — работа, отдых, поведение людей, везде, — на рынках, на железнодорожных станциях и дорогах.

Была объявлена мобилизация мужского населения 1905–1918 г.г. рождения. Многие молодые люди шли в военкоматы, как добровольцы. Их принимали на службу в последнюю очередь, после оформления мобилизованных из запаса.

Росла нагрузка на железные дороги. Через узловую станцию Жмеринка, постепенно нарастала интенсивность движения, особенно с востока на запад и юго- запад, в направления — Хмельницкий и Черновцы-Бельцы. Постепенно поезда «специализировались» на перевозках: — на Запад везли — танки, пушки, боеприпасы и пополнения, обратно — раненых, военных и гражданских, а также беженцев, и эвакуированные материальные ценности, в том числе различное оборудование и продовольствие.

Ситуация сложилась так, что в одно и то же время, в одной и той же стране, на западных её рубежах, от Балтийского моря до Черного, шли ожесточенные бои, тысячами гибли люди, наши советские люди, а еще многими тысячами их захватывали в плен, а в той же Винницкой области, пололи посевы сахарной свеклы и косили сено. Люди, в первые дни войны не могли себе представить, что на самом деле происходит на фронте. Поэтому, когда через всего шесть дней после вторжения, фашистскими войсками был занят Минск, а через еще две недели — Смоленск, который находился посередине между западной нашей границей и Москвой, от которого до Москвы всего 400 километров, вся страна в том числе жители Винницкой области, поняли, что это действительно Война, и что такими темпами, она может придти и в их края. Причем придти, несмотря на значительное количество наших войск, в двух образованных на этом направлении фронтах — Юго- Западном и Южном. А она война, пришла в Винницу гораздо раньше, чем её ожидали.

Если посмотреть географическую карту бывшего Советского Союза, по состоянию на июнь 1941 года, то образно можно представить Союз на карте, как туловище большого животного, с головой в районе Прибалтики, Белоруссии и Западной Украины, «подбрюшьем» по линии Кавказ — Средняя Азия — Казахстан и «хвостом» в виде Камчатки, то в роли своеобразной «шеи» этого «организма», выступает глубокой дугой, участок между Черновицкой областью и Молдавской ССР. То есть самый короткий путь от государственной границы Союза до Винницы, проходил именно здесь. Немцы понимали это прекрасно. Тем более — здесь стыковались два наших южных фронта, а где стыковка, тем более в период неразберихи и всевозможных стратегических ошибок, там всегда и беда. Лютый фашистский зверь, нащупав слабое место, яростно вцепился зубами в эту самую «шею». В результате — не прошло и месяца после начала войны (19 июля), а немецкие войска были уже в Виннице.

Дней за десять до прихода немцев в поселок, на станции, где проживала Надя, собралась большая группа молодых ребят из соседних сел, 17–18 лет, которые по договоренности с местными властями, добровольно направлялись в Жмеринский райвоенкомат, с просьбой зачислить их в ряды действующей армии. Среди них был и Андрей Бойко. Пока группа ждала прихода дрезины для их отправки, Андрей побежал к дому Нади. Постучал, она вышла вместе с Олей. Андрей с ходу поздоровался и выпалил: «Надя, у меня всего пять минут времени. Иду на фронт, добровольцем. Я вернусь и найду тебя, обещаю. Ты могла бы дать любую свою фотографию, чтобы она меня грела и защищала?. Мне она — очень нужна, а ты — тем более. Жди меня, Наденька, я обязательно вернусь!». У Нади не было еще своей «взрослой» фотографии, она побежала в дом, вынула из рамки единственное фото, на котором они были сняты вдвоем — мама, Николай и Надя. Фото было годичной давности, когда Николай уходил в армию. Надя написала химическим карандашом на её обороте: «Андрею от Нади на память», выскочила во двор и отдала фотографию Андрею. Он положил её в карман, посмотрел ей в глаза, и тогда Надя не сдержалась — бросилась ему на шею и прошептала: — «Я буду ждать, Андрюша!». Потом они обнялись и Надя, в первый раз в жизни, — поцеловалась с парнем. И каким парнем! — Её любимым Андреем!. Андрей еще раз её обнял, потом по-братски обнял Олю, попрощался и побежал к станции. Там уже стояла дрезина и готовилась к отправке. Домой из тех ребят — добровольцев, в тот день, — никто не вернулся.

В Жмеринском военкомате из молодых ребят добровольцев, отобрали группу «самых-самых» — относительно грамотных, физически крепких и морально устойчивых, и отправили их на восток, в тыл, учиться воевать. По счастливой случайности, в то время в военкомате находился представитель Военного совета Фронта, пожилой полковник, прошедший не одну войну. Он так и сказал работникам военкомата: «Эти ребята — наше армейское будущее и мы не имеем права просто бросить их в мясорубку войны, без должной подготовки. Неизвестно, что будет дальше, когда закончится эта война, но такой прекрасный генофонд надо сохранять. Отправим их в тыл и

будем готовить красных командиров, успеют они еще и повоевать». В составе той «отборной» группы, был и Андрей Бойко.

Глава вторая

События на фронте развивались так стремительно, что не только простые люди, а даже военные в больших чинах, не могли должным образом, а главное своевременно, понять, что, где и как происходит. Тому же Юго-Западному фронту, был дан приказ отступать на определенные позиции, к такому-то времени, а оказалось, что еще раньше того времени, эти позиции уже были заняты немцами. Сжималось кольцо окружения Киева. Эта неопределенность передалась и гражданскому населению. Мало кто успел куда-то уехать подальше от войны, так как война уже была везде, и, если кому-то и было куда уехать, так уже невозможно было это сделать. То, что это действительно — война, и война не на жизнь, а на смерть, многие сразу не поняли, хотя немцы бомбили Киев, Житомир и другие большие города, уже в первый день, 22 июня. Ну, а когда поняли, — было уже поздно. Немцы разрезали оборонительные позиции советских войск в районе Винницы, и пошли дальше, а на Юге — образовывался Одесский «котел», на севере — Киевский. Железнодорожное сообщение от Киева — до Одессы, перешло в руки захватчиков. Захватывая пути, станции, перегоны и мосты, немцы ставили своих руководителей, постепенно заменяя там и весь обслуживающий персонал.

Мама Нади, где-то с месяц еще работала диспетчером на станции, потом её сделали уборщицей, и она согласилась, потому, что надо было как-то жить. Надя с Олей старались меньше появляться на улице, чаще прятались у бабушки в сарае, чтобы не попадаться на глаза проезжающим военным, поезда с которыми иногда останавливались на их станции. Как быть дальше — ни они, ни мама не знали, все надеялись, что война вот-вот закончится.

Но война продолжалась; и так случилось, что немцы, первыми захватившие Жмеринский район, а потом и Винницу, в августе месяце, вдруг передали Жмеринку и большинство территории района — румынам. Получилось так, что при станционный поселок, где жили наши герои, и большой поселок, куда они ходили в школу, — остались у немцев, а все, что было южнее, — до реки Южный Буг, — на Востоке, до реки Днестр, — на Западе, и — до Черного моря, включая город Одессу, — на Юге, вошло в состав нового образования, под названием Транснистрия, где хозяйничали румыны. Хозяйничали чисто формально, под пристальным надзором «старшего» брата — немецкого командования — военного и административного.

Редкие приезжающие из Винницы люди, рассказывали о зверствах, которые начали твориться в городе, почти сразу после прихода немцев. Особенно по отношению к еврейскому населению. Евреев начали арестовывать и расстреливать уже через десять дней после вступления в город фашистских войск, а потом — это делалось регулярно, в открытую, среди бела дня. В Винницу начали свозить евреев и с окружающих город населенных пунктов, как оказалось позже, — только с целью уничтожения.

Мама Нади и девочки все это слушали, поражались, но, так как деваться им было некуда, и были они не евреями, а украинцами, то надеялись, что для них все как-то обойдется. Но, в начале сентября, на их станцию прибыла моторизованная дрезина и с ней трое вооруженных немецких военных, в черной форме. Они нашли недавно назначенного местного старосту, из бывших местных уголовников, который, по их просьбе провел всех троих — к дому, где жила Надя с мамой. Дома у них никого не было — мама на работе, а Надя была у Оли. Но «гости», обыскав весь дом, — не ушли, а направились прямо к дому Олиной бабушки. Там обнаружили девочек и послали старосту за мамой, на работу, с приказом немедленно привести её сюда. Один из военных, оказался закарпатским венгром и сносно говорил по-украински. Когда пришел жандарм с мамой, венгр объяснил всем присутствующим, что их послали привезти в Винницкий комиссариат — персонально девушек — Надю и Олю, вместе с мамой. Их приглашают, чтобы

предложить где-то работу, а больше посыльным ничего не было известно. Им приказали привезти — они и привезут. Пусть они в течении десяти минут собираются, возьмут документы, удостоверяющие их личности, и выходят на улицу. Никакие вопросы не задавать — все расскажут в Виннице.

Мама с Надей пошли к себе домой, один из военных пошел вместе с ними. Мама с Надей переоделись, взяли с собой теплые кофты на всякий случай. Паспортов у них не было. Надя взяла недавно полученную справку с места жительства от сельского совета, приготовленную для поступления в училище, а мама взяла служебное удостоверение железнодорожника, все остальные семейные документы и вырезки из газет про их отца, — мама сложила в старенькую холщовую торбу и, пока переодевалась, — засунула её под «вьюшку» — заслонку, закрывающую дымоход из печки. Потом они вместе вышли на улицу — зашли опять в дом Олиной бабушки, минутку посидели, попрощались и пошли на станцию. Проходя мимо бабушки, мама тихо проговорила, как бы невзначай, — заберете к себе торбочку под нашими вьюшками, обязательно, и сразу — спрячьте подальше. Уезжали они из поселка, в общем-то, спокойно, надеясь скоро вернуться и с хорошими новостями. Нормально приехали в Винницу. Никто с ними грубо не обращался. Мало того, к удивлению, на вокзале, их ожидала небольшая полу грузовая машина, в которую они все вместе погрузились и, через некоторое время, подъехали к какому-то солидному зданию. Сопровождающие провели их в большую комнату и ничего не сказав, ушли, оставив их одних.

И мама, и девочки, не понимая, что с ними происходит, но, уже зная от людей, как живет сегодня Винница, ничего хорошего от приглашения их (именно их) в областной центр, не ожидали, но все же надеялись, что их пригласили в результате какой-то ошибки и, возможно, все обойдется.

Комната, куда их привели, была большая, без мебели, вдоль одной из стен, стояла только старинного вида длинная скамья — канapé, с высокой красивой резной спинкой, и все. Ни столов, ни стульев, и ничего другого — не было. Они присели на скамью и стали ждать. Ждать пришлось долго. Незнание вызывало излишнее волнение, но мама и девочки просто сидели, молча, и ждали. Даже не переговаривались между собой, опасаясь, что кто-то может подслушать. Казалось уже, что про них забыли, но часа через два, — отворилась дверь, и вошла молодая женщина в черной военной форме и на чистом русском языке, пригласила маму пройти с ней в другую комнату. Они подошли к какой-то двери, девушка постучала, ей что-то ответили по-немецки, потом она открыла дверь в красиво обставленный дорогой мебелью кабинет, ввела туда маму, сразу же вышла и закрыла за собой дверь.

В глубине кабинета стоял массивный стол, накрытый коричневой скатертью, перед ним — несколько тоже массивных, обитых бархатом, стульев. За столом сидел молодой мужчина в немецкой военной форме, перебирал какие-то бумаги, лежащие перед ним. Когда мама зашла и поздоровалась, он оторвался от бумаг, поднял голову, внимательно на неё посмотрел, затем махнул рукой в сторону одного из стульев, сказав при этом, по-русски: «Садитесь». Когда она села, он спросил: «Вы — Анна Ивановна Михайлюк, 1901 года, уроженка Жмеринского района, это так?». «Да — это так»- подтвердила она. «У вас есть какие-то подтверждающие это документы, паспорт или другое что-то?» — спросил мужчина. «Паспортов нам не выдавали, у меня есть служебное удостоверение, у моих девочек — справки с места жительства» — ответила Анна и передала документы офицеру. Он бегло просмотрел их и бросил в ящик стола.

«Вы много лет проработали на железной дороге, были заместителем начальника станции и старшим диспетчером, а сегодня — работаете там же уборщицей?»- снова продолжил вопросы хозяин кабинета. «Да, — работаю, жить-то как-то надо!» — ответила она.

«Собственно по этому вопросу мы вас и пригласили»- мужчина взял из лежащей на столе коробки — сигарету, прикурил от зажигалки, затянулся и выпустил клуб ароматного дыма, — «Вы еще

молодая женщина, знающая, опытная. По нашему мнению, могли бы еще долго работать и приносить пользу. Германии именно сейчас нужны толковые работники в разных сферах, и у нас в стране и, особенно, на новых, осваиваемых нами территориях. Почему мы обратили внимание именно на вас? Во-первых — вы сами еще можете многое сделать по жизни, а кроме того — у вас прекрасные дети рядом, и ваша дочь — Надежда, и соседская девочка Ольга, её подруга. Уже вполне оформившиеся девушки, отличники учебы и прилежные во всем. Их только надо подучить чему-то достойному и тогда — счастливая жизнь им будет обеспечена. Мы бы могли посодействовать и с их обучением, и дальнейшим трудоустройством, да и вашим — тоже. Чем вы сможете им помочь, работая за гроши уборщицей? — Ничем. Просто — испортите девочкам жизнь и все. Наши войска скоро войдут в Москву, советская власть исчезнет навсегда, поэтому, — вполне разумно — уже сегодня подумать вам о своем будущем и будущем ваших детей. Мы предлагаем идти на работу к нам, сегодня, сейчас, добровольно; и тогда ваша жизнь станет насыщенной, полноценной и богатой, ибо вы будете работать на великую Германию, страну, равной которой по экономической и военной мощи, сегодня в мире — нет! Вы поняли, что я вам сейчас сказал? Если поняли, — то я жду вашего ответа. Вы даже можете несколько минут подумать, хотите — посоветоваться с девочками, но ответ дать немедленно!».

Анна опустила голову, с минуту помолчала, потом — выпрямилась, и, глядя прямо в лицо офицеру, проговорила: «Я благодарю вас за внимание к нашей семье, но скажу откровенно — не пойду я на вашу работу. Да, я не хочу, но не это главное — я просто — Не могу! Мой отец и два старших брата погибли на прошлой германской войне, муж тоже с вами воевал, был несколько раз ранен, и я не могу предать их память, ни за что. Поэтому — сама не пойду — и девочек своих вам не отдам! Да они и сами к вам никогда бы не пошли. Они родились и выросли при советской власти, знают, что и сколько она для них сделала, и не будут работать против неё и своего народа! Делайте, что хотите, а лучше отпустите нас домой, проживем как-нибудь без ваших милостей!». Она проговорила это, не повышая голоса, обиденно, как вроде бы здесь ничего особенного не было и всем все должно быть понятно.

Сидевший за столом офицер, выслушав такую простую и понятную отповедь, переменялся в лице, бросил сигарету в пепельницу, приподнялся над столом, опершись на обе руки, и буквально закричал: «Ты, глупая женщина! Ты знаешь, где ты сейчас находишься? В отделении гестапо! Уже за то, что у тебя сын сегодня воюет против нас, а ты была советским активистом — депутатом районного совета, я должен бы был тебя расстрелять прямо там, на станции, в твоём дворе! Так ты еще плюешь на наше предложение идти к нам на работу! Ты что забыла, что идет война и работают законы военного времени?! Так знай — из этого кабинета только два пути — или ты идешь к нам, а это уже не предложение, а приказ, или — пойдете вместе с теми местными евреями — в расстрельную яму. Только перед этим, — наши солдаты познакомятся с вашими прелестями, твоими и девочек, они это хорошо умеют!. Ты меня поняла? — это уже приказ, а за невыполнение приказа на войне — смертная казнь. Даю тебе последний шанс, — поговори со своими девочками, объясни все, что я тебе сказал и очень постарайся уговорить их. Они же еще не жили!»

«Я вам уже сказала, господин офицер, — тихо проговорила Анна, — это мои дети, и я их хорошо знаю. Уговаривать и пугать их, — бесполезно, да я и не буду этого делать, чтобы не случилось!».

Гестаповец не стал больше дискутировать, зло крикнул что-то по-немецки, вошла та же молодая женщина, которая привела Анну к нему, он ей приказал привести в кабинет обеих девочек. Когда они вошли, он, с деланным сожалением произнес: «Скажите спасибо своей маме, за то, что она отправила вас в расстрельную яму!». Снова сказал что-то по-немецки, своей помощнице, та вывела Анну и девочек в коридор, перепоручила их двоим охранникам, и вернулась в кабинет начальника. Офицер уточнил: «Когда у нас очередная еврейская «зачистка» по Виннице?». «Послезавтра» — ответила помощница. «Возьми охрану и мою машину. Отвези эту маму с

девочками в еврейское гетто. Предупреди от моего имени всех, чтобы их эти два дня никто не трогал, даже пальцем, а потом и тоже под твою личную ответственность, — проследи, чтобы они были ликвидированы с евреями вместе. Повторяю — убедись сама, что они ликвидированы и доложишь мне лично. Жалко их, уж больно материал качественный, но не наш. Запомни — это и есть настоящие Русские. Их не переубедишь и не купишь, можно только убить.... В нашей работе, это тоже надо иметь в виду. Таких в России много. Уважаю достойных противников, поэтому и делаю, иногда, для них, что могу...,но не больше. Надеюсь, ты меня поняла. Это — Приказ!».

Приказ был выполнен. В сентябре 1941 года в районе Винницы, были уничтожены многие тысячи евреев. Среди них, не случайно, а по целенаправленной злой воле, оказались и три украинки, — Анна Михайлюк, Надя Михайлюк и Оля Шумейко.

.....

Глава шестая

Семейная пара, которая заменила расстрелянных в Виннице, Надю Михалюк и её маму Анну, была из Польши, точнее из бывшей Польши, Волынской области, которая в 1939 году, вошла в состав СССР. Их отец был польским офицером, арестованным советскими органами НКВД и находящийся к началу войны, в лагере для военнопленных. Мать — Юдита, — окончила в Варшаве железнодорожное училище и долгое время работала на крупной железнодорожной станции Ковель. Дочка- Зося (Зосия), прошла полный учебный курс в польской гимназии и окончила годичные курсы медицинских сестер. В 1940 году, будучи на курсах повышения квалификации в Львовском управлении железной дороги, Юдита, была завербована немецкой разведкой, а позже прошла краткое обучение в специальной школе. Агенты немецкой разведки, которых в те годы на Западе Украины, было более, чем достаточно, обратили на неё внимание, не только потому, что она владела многими языками — немецким, русским, естественно, — польским и украинским, в то время ими владели практически все образованные люди Волыни и Галичины, но главной в отношении неё, стала семейная «зацепка» — именно — нахождение её мужа в лагере военнопленных на территории Советского Союза. Её склонили к сотрудничеству, через обещание помочь выволить его из плена, попутно вгоняя в её сознание мысль, что во всех нынешних семейных бедах, — виноват Советский Союз и его жестокая и беспощадная Красная Армия, вместе со страшным НКВД. Исполненная этой ненавистью, Юдит, естественно, передавала её и дочке.

Перед началом войны, новые немецкие хозяева, начали готовить Юдит, как специалиста — железнодорожника, к заброске в восточные регионы СССР, в район Урала, вместе с дочкой, так было более правдоподобно и более безопасно.

За несколько месяцев до начала войны, маму с дочкой, вполне легально, переместили вначале в Житомирскую область, а с началом войны, — уже в город Киев, под видом беженцев.

Специальный оперативный отдел, в котором работал и Отто, планировал забросить эту пару на Урал, туда, где ковалось оружие для Красной Армии, и где нужны были свои люди, для разных целей, в первую очередь, — для информации. Для обеспечения Юдиты и Зоси, надежными документами и правдивой легендой, были расстреляны Анна и Надя Михайлюк, и случайно оказавшаяся рядом с ними, — Оля Шумейко.

Отто, получив от Анны Михайлюк, при их встрече в Виннице, её служебное удостоверение (с фото) и справки с места жительства Нади и Оли, после их расстрела, послал своих людей на станцию, где Анна раньше работала. Хозяевами там уже были немецкие специалисты. Люди Отто, без проблем,

изъяли трудовую книжку Анны Михайлюк, а также — все фирменные бланки, печати и штампы советского образца. Это позволило им сделать новое служебное удостоверение уже с фото Юдиты и натуральной круглой печатью станции, то есть обеспечить её подлинными документами. Пользуясь тем, что в Винницу немцы вошли в середине июля, а в Киев — только в середине октября, люди Отто, успели за это время не только передать эти документы, «беженцам» — Юдит и Зосе, но и эвакуировать их на Восток, за Волгу, до города Куйбышева. Там, в пункт по приему эвакуированных — беженцев, обратились уже Анна Ивановна Михайлюк, с дочкой — Надей Михайлюк. Мама — железнодорожник, дочка — только закончила семь классов и ускоренные курсы медсестер.

В Куйбышеве, в тот момент, собралось множество людей, из числа эвакуированных и не только. Одни пытались ехать дальше, другие искали возможность зацепиться здесь. Все эта масса — шумела, кричала, что-то требовала и предлагала.... Семья Михайлюк попыталась направиться дальше, на Восток, в сторону Челябинска или Свердловска, но их предупредили, чтобы проехать в сторону Урала, — надо пройти длительную проверку, а это сейчас не ко времени и не к месту.

В эвакупункте, «Анне», как железнодорожнику, предложили пойти работать на станцию Кинель. Там есть вакансии, всего 40 километров от областного центра, большая узловая станция, легче будет с жильем. Тем более, там развертывается большой эвакуогоспиталь, на территории сельскохозяйственного института, наверняка будет работа и для дочки. Пришлось соглашаться.

После регистрации и получения направления, когда мама с дочкой присели отдохнуть на лавочке, возле большого пешеходного моста, перекинутого через железнодорожные пути, к ним подсел незнакомый мужчина, по виду — тоже из эвакуированных. Обращаясь к маме — он тихо произнес: «Анна, скажи дочке пусть пойдет — погуляет немного, пока мы с тобой переговорим». Анна дала «Наде» небольшой чайник и попросила принести воды или кипятка, что найдет. Когда дочка ушла, незнакомец также тихо, но четко сказал: «В сторону Урала сейчас не пробраться, кругом проверки, заслоны, охрана. Не надо никуда дергаться. Очень удачно, что тебя рекомендовали в Кинель, там есть на что посмотреть и получить нужную нам информацию. В том месте сходятся две крупнейшие транспортные артерии — одна на Юг- и Юго-Восток, это огромная территория, откуда в сторону фронта идут продовольствие, пополнение войск и т. п., другая — на Северо — Восток- и дальше на Транссибирскую магистраль, по этой ветке идут — военная техника с Урала, горючее из Башкирии и Татарстана, опять же пополнение, продовольствие и разное снаряжение для фронта.

Наше руководство интересуется все, что будет проходить через этот узел — откуда, куда, что, чего и сколько. И по каждому эшелону или отдельному специальному вагону. Желательно узнавать номера войсковых частей, количество и их вооружение. Это — по возможности, а основное внимание — перевозкам. Имей в виду, — за тобой будут следить, проверять и перепроверять, поэтому — старайся никуда из зоны станции — не выезжать, кроме, если официально пошлют куда- то, информацию от тебя, будут принимать здесь, на месте — один раз в три дня. Никого не ищи, и никому ничего не сообщай, кроме как по системе связи, о которой мы сейчас и договоримся. Тебе не надо напоминать, насколько все это серьезно. Дочке никаких деталей не раскрывай, в случае чего — скажешь, что вас оставили пока в резерве, тем более война скоро закончится».

Затем они обговорили детальную схему передачи информации для отправки командованию. Кто будет связным, между ней и резидентом, и кто будет забирать оставленную Анной информацию, — её не касается. Её дело — собрать, первично обработать и заложить в условленном месте. При этом было определено несколько мест закладки, с ротацией каждые три дня. Были оговорены еще некоторые детали текущей работы, как на станции, так и вне её. Анна

получила некоторый денежный аванс на ближайший период, а, когда «Надя» пришла с чайником кипяченой воды, незнакомца уже — не было.

Мама с дочкой, скоротали ночь на куйбышевском вокзале, а ранним утром, — на пригородном поезде, — отправились в Кинель, на новое место службы, да и жизни. Выехав из областного центра, они очень быстро почувствовали разницу, между их родной, влажной, и относительно теплой, Волынью и местным Заволжьем. Был только конец октября, а земля здесь уже была покрыта толстым слоем инея, на улице — хозяйничал легкий морозец, а в старинном вагоне пригородного поезда, при открытых дверях на остановках, гулял довольно холодный ветер.

Вдоль железной дороги тянулось открытое пространство. Никаких там садов, огородов не наблюдалось. Местами попадались отдельные небольшие рощицы из хвойных деревьев.

На станции Кинель, их приняли хорошо, маму оформили на работу, пока без конкретной должности, потом — определились с их местом проживания. Выделили комнату с обратной стороны дома отдыха паровозных бригад, обеспечили двумя солдатскими койками с постелями, принесли стол и пару стульев, дали пару электрических лампочек, подсоединили электричество, принесли две вязанки дров, керосиновую лампу, и бутылку керосина. Сказали, что бывают во время буранов перебои со светом, и — пожелали удачи.

После их уютной трехкомнатной квартиры в Ковеле, выделенная комната, казалась им собачьей конурой, но так было надо, и женщины, кляня в душе своих хозяев, за такие «условия», внешне не роптали, воодушевляемые тем, что они служат великой цели и скоро, или почти скоро, их мучения закончатся, и они будут соответствующим образом, отблагодарены теми, кто их сюда послал.

Станция Кинель, по структуре была похожа на станцию Ковель, где мама трудилась много лет. И по важности в общем железнодорожном хозяйстве страны, и по объемам перевозок, и по расходящимся веером в разные стороны, направлениям движения и — даже по «островному» расположению железнодорожного вокзала, который находился внутри сети железнодорожных путей, и, чтобы попасть в вокзал — необходимо было пользоваться переходным пешеходным мостом. Ну, конечно, вокзал в Ковеле, куда как выгоднее отличался от вокзала в Кинеле. Но это не было главным для мамы с дочкой. Некогда им было сравнивать вокзалы и другие отличия, совсем другие задачи были поставлены перед ними.

Когда их поселили в комнату, выяснилось, что придется топить плиту, — причем — им, — самим. Они попробовали растопить плиту — ничего не получилось, а в комнате — холодно, почти, как на улице, только без ветра. Мама вышла поискать кого-нибудь из местных обитателей, понимающих толк, в старинных плитах, и через минут двадцать, привела какого-то мужика, лет за пятьдесят, с окладистой бородой и подозрительно красным носом. Мужик, за несколько рублей, не только растопил печь, но и принес откуда-то пару охапок наколennых дров и консервную банку с нефтью, как он сказал — «на будущую растопку». Через час в комнате стало тепло, а еще через час, — просто жарко. Мама с дочкой повеселели. Поужинали, попили чай и начали готовиться к завтрашнему неизвестному дню.

На другой день, мама не стала сразу идти на станцию, а решила, пока сама не вышла на работу — определиться с устройством дочки. Узнали, где расположен сельхозинститут, на территории которого развернут эвакогоспиталь, как до него добраться, и отправились на северную окраину города. Оказалось, что туда ходит специальный автобус, на нем перевозят раненых и работников госпиталя, живущих в городе, а обратно на нем отправляются выздоровевшие бойцы. По прибытию в госпиталь, им повезло, — в одном из корпусов сельхозинститута, приспособленном для размещения и лечения раненных, они удачно попали на главную медсестру, она же исполняла и роль — сестры-хозяйки. Та тут же бегло проверила, какой запас элементарных медицинских знаний у молодой медсестры, осталась довольна, и сразу же предложила ей

выходить на работу, прямо с сегодняшнего дня, так как раненые поступали ежедневно, а людей, особенно, младшего медицинского персонала, — просто — не хватает. Мама оставила дочку у старшей медсестры, договорились встретиться вечером дома, а сама — отправилась в город, к начальнику станции, ожидая, что он ей предложит, в плане работы.

Начальник станции уточнил, насколько она знакома с правилами приема поездов, сортировки вагонов, формирования составов и их отправки, а также с диспетчерскими функциями на такой солидной смешанной станции и другими текущими вопросами текущей станционной жизни. Анна рассказала, что станция, на которой она работала, была небольшой, но ей довольно часто приходилось помогать по разным вопросам в работе соседнего железнодорожного узла (7 км) — Жмеринка, куда её приглашали, как опытного работника. «Проверите, посмотрите, оцените, если что — подскажите, — сказала она начальнику, — а я — постараюсь, тем более понимаю, — какое сейчас время. Военное.». Её постепенно нагружали пока разовыми поручениями по различным направлениям, а через пару месяцев, — она показала и доказала, что способна быстро и качественно выполнить любую работу по профилю станции. Ей начали поручать сложные задания, будучи уверенными, что она справится.

Никто не мог подумать, что этот опытный классный специалист — железнодорожник, каждые три дня, отправляет своим хозяевам шифрованное донесение, о проходящих транзитом и формирующихся на станции Кинель, железнодорожных составах, о том, каких и сколько прошло видов грузов через станцию, отдельные графики движения поездов в разные направления — туда и обратно, и просто разовые информации о жизни этого мощнейшего в Заволжье железнодорожного узла.

Дикость и нелепость ситуации заключалась в том, что чем больше росло доверие и уважение к ней, у руководства станции и надзорных местных военных властей, что расширяло её возможности получения секретной информации, тем больше она её (этой информации) передавала, вражеским агентам. Дочка знала, что мама работает на немцев, но в детали её никто не посвящал, ни мама и никто другой, по той причине, чтобы не «засветить» каким-то образом саму — Анну, как главный источник, носитель и передатчик информации.

Так продолжалось более девяти месяцев. Когда немецкие войска подошли к Сталинграду и даже местами вышли к Волге, а ситуация по обеим сторонам фронта, достигла критического уровня, от тайных фашистских агентов стали требовать не только информационных, но и более решительных, то есть, — диверсионных действий. В один теплый летний вечер, направляясь домой со смены, Анна подошла к стеклянной витрине, где выставлялась газета «Гудок» и начала просматривать текущие новости. Газета была выложена в двух частях, Первая и четвертая страницы вместе и вторая — третья, тоже вместе. Через пару минут, к витрине подошел мужчина в большой фуражке, надвинутой почти на глаза, стал читать газету в соседней витрине. Потом, посмотрев налево — направо, вдоль тротуара, тихо, но отчетливо произнес: «Анна, слушай внимательно. Завтра ты дежуришь в ночь. По нашим данным, именно в твою смену, из Челябинска, через эту станцию, пройдет эшелон с новыми танками. Сзади к составу, подцеплены вагоны с экипажами этих машин и, возможно, еще и с — боеприпасами, к ним же. Все пути на станции забиты воинскими эшелонами. Комплектуется состав с разными видами горючего. Эшелон с танками пройдет транзитом на Сызрань, ему будет везде зеленый свет. Так вот получен приказ, — этот эшелон, должен, будущей ночью, если уж не столкнуться со сборным, формирующимся здесь составом цистерн с горючим, прибывшими и еще прибывающими сегодня из Казани и Уфы, то задеть хотя бы одну цистерну, чтобы воспламенить весь состав.

Взорванные цистерны охватят огнем всю станцию, ты знаешь, сколько и чего на путях напичкано. Там и боеприпасы, там и лошади, продовольствие, да и люди. Если все это рванет и загорится, — взрыв услышат не только в Москве, но и в Берлине! Этот мощнейший железнодорожный узел,

будет практически уничтожен, вместе со всем тем, что на нем будет находиться. На его восстановление уйдет масса времени и сил, а материальные и людские потери будут невосполнимы. Произойдут сбои по всем Заволжским направлениям. Советам придется перестраивать всю систему фронтового обеспечения. Анна, ты можешь и обязана найти способ обеспечения этой аварии, если такой кошмар, можно назвать — аварией. Тебе все понятно?».

«Мне-то все понятно, — ответила Анна, — и мне всего этого не жалко, но что будет со мной? Чтобы это совершить, я должна быть непосредственно здесь, на станции, на своем рабочем месте! Что, я должна взорвать саму себя?. По-другому никак нельзя?»- зло добавила она.

«В том-то и дело, что нельзя. — тихо проговорил связной. — работа у нас такая. Издержки в таких ситуациях — неизбежны. Это не пафос, а суровая правда жизни, приходит время, когда не только надо говорить, что служишь великой Германии, а и соответствующим образом действовать, то есть — быть действительно — героем!».

«Что — еще и Железный крест можно получить, посмертно? — зло усмехнулась Анна, так после того апокалипсиса, который вы мне приказываете устроить здесь, на станции, мне даже деревянный крест будет ни к чему!». И добавила: «Я — не стану этого делать. Подрывайте те поезда в пути, бомбите их с воздуха, делайте, что хотите, но сжигать себя я не буду! Так и передайте вашим (нашим) хозяевам!».

«Понимаю тебя — сказал мужчина, — но приказ есть приказ, и ты его завтра исполнишь! Хочу тебе просто напомнить, что идет война, сейчас пришло время «Пик», а в такое время, приказы тем более не обсуждаются, последствия тебе известны. Прощай, Анна, не могу сказать: «До свидания, но ты должна суметь это сделать!», — и он стремительно двинулся к пешеходному мосту через пути.

Запрограммированного кошмара не случилось. Через день, в скверике возле вокзала, было обнаружено тело Анны. У неё было перерезано горло. Документы, часы, кошелек — исчезли. Какой-то бандит подкараулил её после ночной смены, убил и ограбил, или ограбил — а потом — убил. Такое определение вынесли проводящие следствие специалисты. Убийцу — не нашли....

Анна Ивановна Михайлюк, была убита во второй раз. И оба раза её убили немцы. В первый раз — расстреляли, во второй раз — зарезали. Причем, если в первый раз, она «восстала» из расстрельной ямы, то во второй раз ушла безвозвратно; — кто её «породил», те её и убили.

.....

Глава десятая

Исповедимы пути людские, но не всегда люди стремятся раскрывать свои тайны. И это только в геометрии параллели не пересекаются, а в людской жизни это, вроде бы простое правило, часто нарушается — Её Величеством — СУДЬБОЙ!

В понедельник, Роза должна была выйти на работу и не куда-нибудь, а в женское отделение центральной городской парикмахерской! Конечно, вовсе не потому, что она недавно с отличием закончила солидные курсы модельных парикмахеров, а скорее всего — потому, что мужским отделением этой парикмахерской, заведовал её дядя, брат мамы, — Иосиф Хаимович, маэстро — парикмахер, у которого обслуживались лучшие люди города Винницы. Собственно, это по его настоянию, Роза не пошла в музыкальное училище, а пошла на курсы парикмахеров. Дядя понимал толк в профессиях, и, как старший брат мамы, уговорил её (маму) одной фразой: «Эмма,

это интеллигентная профессия и всегда — живая копейка!. Там сам себе хозяин и без всяких дирижеров, как в той музыке!».

Именно заботами дяди Иосифа, к ним на курсы приезжали лучшие парикмахеры-модельеры из Киева, они делились своим опытом и знаниями, проводили мастер-классы и, естественно нелегально, имели за это неплохие гонорары. Роза была одной из лучших учениц, и ей прочили блестящее будущее. И это была правда, и все так бы и было, ЕСЛИ БЫ!. В понедельник 23 июня, — у неё первый рабочий день, а в воскресенье, 22-го, началась — Война!.

Нет, Роза все же пошла на работу в тот понедельник, и даже обслужила одну клиентку, но больше в тот день никто в парикмахерскую не пришел, и не только в женское отделение. Люди прильнули к радио, слушали-слушали, и не верили, что где-то уже трещат пулеметы, грохочут танки, гибнут люди. Вроде бы в городе все было, как обычно в воскресенье, но приезжающие из Киева люди, рассказывали, что их в воскресенье утром — бомбили, настоящими бомбами, и уже есть пострадавшие. После двух — трех дней растерянности и недоверия, люди начали понимать, что это война, и что это очень серьезно. Немецкая армия, судя даже по тем скудным радио — сообщениям, стремительно наступала по всему фронту, от Балтики, до Черного моря. Перед войной, в Виннице проживало более 30 тысяч лиц еврейской национальности, примерно треть всего населения города. Такая же структура по национальному составу, была почти во всех окружающих город, населенных пунктах, с колебаниями — от одной трети, — до половины.

Можно с большой долей уверенности сказать, что, если бы на заре появления евреев в этих местах, в -17-18 веках, среди них, нашелся какой-то провидец-предсказатель и озвучил бы им жизненный прогноз на ближайшие 150 лет, ни один бы еврей не поселился в Виннице и в её округе, радиусом в 50- 100 километров.

Волею судьбы, а скорее, — волею людей, это место приглянулось верховному главнокомандующему фашистских войск, вероломно напавших на нашу страну, — Адольфу Гитлеру. Кто-то ему подсказал, что именно в районе Винницы, лучше всего оборудовать Ставку Верховного Командования рейха на период войны с Россией. Возможно, эта мысль была озвучена и раньше, до начала войны, но не была официально принята к действию, потому как всему миру было объявлено, что через две недели с Советским Союзом и его армией — будет покончено. Когда же стало ясно, что война затянется, и неизвестно на какой срок, то ставку Гитлера решили оборудовать под Винницей. Как после выяснилось, это решение, было чревато самыми пагубными последствиями для жителей этого города и его окрестностей и, особенно, для проживающих здесь людей еврейской национальности, удельный вес которых в общей массе населения, был довольно высок.

Но, война уже шла, и, пока там, в Берлине решали, — где и когда оборудовать гитлеровскую Ставку, евреи в Виннице об этом ничего не знали и продолжали рассуждать, что им ждать от этой войны, плохого, а может и хорошего.

Так сложилось, что основная масса евреев Винницы проживала в отдельном районе — квартале, под названием — Иерусалимка. В свою очередь, район подразделялся на Верхнюю Иерусалимку, где жили люди побогаче и Нижнюю Иерусалимку- где жили те, кто — победнее. В «Верхней» — жили в основном те, кто что-то уже имел в прежние времена, — кто — заводик, кто — фабрику, кто — какую-то мастерскую, одну или несколько, кто — ресторан или сеть шинков. Потом у них все это отняли, но, естественно, кое-что у них осталось. В «Нижней» — в основном жили те, кто делал копейку своими руками, — мастеровые люди по разным направлениям, от парикмахеров и портных, — до кузнецов — жестянщиков и бондарей.

Чего греха таить, состоятельные евреи города, имели определенные претензии к советской власти, по причине того, что она их много лишила, особенно после отмены НЭПа, но так как

бороться с властью в открытую, они не отважились, то лишь ядовито шептались на кухонном уровне, ни на что не надеясь.

А тут на тебе, раз — и Война!. Многие из них воспрянули духом. Это же — Немцы! Народ цивилизованный, любит порядок, уважает религиозные чувства, ну и т. д... Это они дали миру Шиллера, Гёте, Кана! Это не то, что эти неграмотные «рабочее-крестьянские партийцы-комсомольцы», которые, мало того, что все отняли, так еще и синагоги позакрывали!

Такие же мысли высказывали и еврейские религиозные деятели, оставшиеся не у дел. Семья Розы жила в Нижней Иерусалимке, но её мама была племянницей жены бывшего главного раввина города, дедушки Эля, а отец — мастер по жести, паяльным и лудильным работам, раньше входил в какой-то совет при синагоге и пользовался авторитетом во всей Иерусалимке, и как специалист, и как понимающий толк в жизни, человек.

Иногда дедушка Эль приходил к ним домой со своими единомышленниками, они долго беседовали, спорили, но все равно заканчивали беседы тем, что немцы — это хорошо, это — к лучшему. Если бы знали эти «ожидальщики» прихода немцев, что будет с ними и их семьями, уже через месяц, то, наверняка, вначале проглотили свои языки, а потом бы разбежались по стране, подальше от тех «цивилизованных» захватчиков, которые мало того, что просто расстреливали местных евреев всех подряд, без всяких объяснений, бросали в ямы женщин и детей, они — новорожденных еврейских детей, собирали в мешки и — топили! Как щенков!.

Но они этого не знали, некоторые даже вместе с раввином вышли встречать немецкие войска, которые уже в середине июля были в Виннице. Ну, а когда узнали — было уже поздно. Вместо благодарности, новые власти приказали старому раввину собрать всех евреев-интеллигентов, которые требуются, якобы для регистрационной работы, Когда их собрали — всех расстреляли. Когда раввин понял истинные намерения немцев — использовать его авторитет в изуверских целях и выразил им свой протест, его ликвидировали вместе с женой.

Отец Розы получил повестку от бургомистра города, с известием, что его требуют немцы, как специалиста, на работу по строительству какого-то важного объекта. Жить он будет там, на стройке, вместе с другими мастерами и будет там до тех пор, пока работы не будут закончены. Отец, получив повестку, успел тайком, на повозке, приехавшей в город на рынок, переправить жену и дочку, в поселок Браилов, что в 30-ти километрах от Винницы, к дальним родственникам, на всякий случай. Дело в том, что гитлеровцы, используя добровольных «помощников» из местных, прошлись по городу и пометили все дома и квартиры, где проживали евреи, нарисованной «Звездой Давида», а где жили «не евреи» — крестами, для того, чтобы легче было собирать евреев, в случае надобности..... А-потом — начали выполнять указание из Берлина — зона Винницы и окрестностей, — была объявлена «Юденфрай»- то есть — свободной от евреев. Немецкие власти, по их заявлению, не могут быть спокойны, когда рядом с таким важным стоящимся сооружением (ставка «Вервольф») — присутствуют евреи.

В связи с этим, уничтожение еврейского населения Винницы, было проведено в несколько приемов, в 1941-42 годах. В «подарок» ко дню рождения Гитлера была расстреляна последняя большая группа евреев, почти в 5000 человек.

Последними, 25 августа 1942 года, были расстреляны 150 евреев — специалистов, работавших на немцев, при строительстве «Вервольфа», в том числе и отец Розы.

Розу с мамой, приютила дальняя родственница отца. Но, как оказалось, — ненадолго. Так случилось, что где-то в конце августа, было проведено разграничение территорий, между немецкими и румынскими войсками. Вначале Жмеринка и прилегающий к ней одноименный район, находился в ведении немецких властей, а потом — район разделили: Жмеринка и южная

часть района, отошли к румынам, а находящийся в 8 километрах к северу от райцентра, поселок Браилов, вместе с одноименной железнодорожной станцией, остался у немцев. Узнав об этом, группа евреев, более чем в 200 человек, состоящая в основном из винницких перебежчиков, уже насмотревшихся на зверства немцев в городе — ночью перешла из Браилова, в Жмеринку — к румынам, наивно надеясь, что там можно будет уцелеть. Среди них была Роза и её больная мама. Их подбила на побег, приютившая родственница, скорее всего, стараясь от них скорее избавиться.

Когда об этом узнали в Виннице, то и местные румынские власти, и глава еврейской общины Жмеринки, получили грозный приказ — немедленно вернуть браиловских евреев обратно. Беглецов быстро вычислили, собрали, пригнали в Браилов и там — всех сразу, — расстреляли, в том числе и маму Розы.

Сама Роза осталась жива. Когда «браиловских» собирали по Жмеринке, Роза увидела, как одна из знакомых ей по совместному переходу из Браилова, женщин, забежала в подворотню большого деревянного дома и скрылась. Роза кинулась за ней. Когда они вместе взбежали на высокое резное крыльцо, входная дверь открылась....На пороге стоял розовощекий, молодой еще, румынский офицер....Он, удивленно развел руки и, улыбаясь, — проговорил: «Бине аць венит!» (Добро пожаловать — по-румынски), пропуская их обоих в комнату. Потом зашел сам. Осмотрел беглянок, — одна молодая женщина, недурна собой, лет под тридцать пять, вторая, — девушка лет 15–16. Наверное — мать и дочь. Понятно, — что евреи, из тех, которых сегодня ловят по Жмеринке. В подтверждение его мыслей, кто-то громко постучал в дверь. Румын показал взглядом на соседнюю комнату, дверь в которую была открыта: идите — туда. Женщина с Розой — вошли в комнату, а хозяин вышел на крыльцо.

Повезло — всем сразу: — на крыльце стоял немецкий солдат с винтовкой в руке. Когда румын вопросительно посмотрел на него, тот спросил: «В ваш двор кто-то забежал. Где они?». Спросил по-венгерски. Выросший в соседнем с Венгрией, румынском городе Сату-Маре (Большое село), офицер, заговорил с солдатом на его родном языке, сказал, что никого не видел, но, все-таки, пойдет и проверит. Он зашел в дом, через пару минут вышел, подтвердил свои слова о том, что никого не было и нет, а потом — вручил мадьяру два дорогих на вид перстня, и добавил по — венгерски: «Презент — земляку». Тот все понял, весело сказал: «Мулцемеск» (благодарю, по-румынски) и — ушел. Перстни были из «подарков» от местных, жмеринских евреев, их у румынского офицера, начальника местной жандармерии, была целая консервная банка.

Когда солдат вышел за калитку, офицер закрыл входную дверь на ключ и вошел в комнату, где, спрятавшись за большой шкаф, стояли испуганные — Роза и молодая женщина, которую, как выяснилось позже, звали — Соломея. «Ну, шо, давайте познаеымся! Я- начальник Жандармерии Жмеринки, капитан румынской армии, а вы — кто?» — спросил офицер по-украински; до сорокового года, — он несколько лет служил в Черновцах и хорошо знал украинский язык, да и русский, как и немецкий, — тоже. Женщины назвали себя. «Так вот что я вам хочу сказать, — продолжил он, — кто вы — и так понятно. Вы думали, что перебежав в Жмеринку к румынам, — будет лучше? Зря думали. Немцы у нас здесь также командуют «сверху», а порядки одни и те же, везде, что на их территории, что на нашей. Я вас, сам не знаю почему, сегодня просто спас, потому что всем тем, кого поймают и отправят назад, в Браилов, — не поздоровится. Ну, раз уже так получилось — предлагаю вам два выхода, первый — оставаться у меня в доме, делать все то, что я скажу и держать язык за зубами, и второй- покинуть мой дом сейчас же, мне не нужны лишние неприятности от немецких властей, и двигать в свой Браилов. Там вас очень ждут, не дождутся.... Выбирайте. Вы — кто? Мама и дочка?. Нет?. И друг друга вообще не знаете?. Тогда выбирайте каждая отдельно из того, что я вам предложил. И — быстрее, мне надо на службу!». Представляя, что будет с ними, если они покинут этот дом и выйдут на улицу, — женщины согласились остаться у него.

«Ну, если так, — удовлетворенно произнес жандарм- тогда вот что:- на кухне есть некоторые продукты, можете подкрепиться пока. Потом займитесь уборкой в доме, здесь давно никто не убирал, чтобы, пока я приду, в доме было чисто. Вода в кране — на кухне. Туалет — в правом углу дома. И еще, — главное, — из дома не выходить. Никому не открывать дверь. Запомните, — вы теперь моя семья, жена — Серафима, и дочь Роза, приехали ко мне вчера, из под Сучавы, есть такой город на севере Румынии. Ко мне обращаться — только- господин капитан! Вам все понятно?. До вечера» — закончил капитан и вышел из дома, закрыв за собой дверь на ключ.

Роза и Соломея познакомились. Соломея была родом из села Винницкие хутора, это рядом с Винницей. Мужа с началом войны — мобилизовали, детей не было. Перебралась в Винницу, оттуда — к знакомым — в Браилов, а потом, сдуру, побежала ночью в Жмеринку, и вот чем все закончилось. Роза не сказала, что она из Винницы, сама не зная почему. Что-то ей в Соломее не понравилось, на вид она была приятная, но что-то у неё было неприятное внутри, Роза это чувствовала, но объяснить себе, — не могла.

Вечером прибыл на машине хозяин, привез вкусной еды, выпивки. Осмотрел дом, остался доволен. Приказал женщинам приготовить ужин из того, что он привез и поставить на стол в большой комнате. Они хорошо, по-семейному, поужинали. Хозяин показал место, где они будут спать. Это была довольно большая комната, с хорошей мебелью, наверное, раньше служила детской. Там, у противоположных стен, стояли две кровати. Рядом, через стену, была главная хозяйская спальня, с большой красивой, резной деревянной кроватью. На ней спал хозяин дома.

После ужина, хозяин пошел мыться, женщины убрали посуду, и пошли к себе в комнату; определились, кто на какой кровати будет спать, разделись и улеглись. Через некоторое время к ним в дверь постучал хозяин и позвал Соломею, чтобы, как он сказал, выяснить отдельные моменты. Соломея так и не пришла до утра. Утром Соломея зашла к Розе и, непривычно строгим голосом, сказала, чтобы та вставала и приготовила завтрак, потому что хозяину — надо сегодня пораньше выезжать, а сама — легла на кровать.

С того дня, в доме, установился определенный порядок. «Мама» Соломея, играла роль жены хозяина, в основном готовила отдельные блюда, по его заказу, и ублажала по ночам, а Розе выпала роль «дочери», скорее — падчерицы. Она — убирала, мыла полы, посуду, стирала, гладила, носила дрова, выносила в коридор золу и мусор, чистила картофель и овощи, подавала еду на стол, когда хозяина не было и выполняла отдельные поручения хозяина — чистила одежду и обувь и др. Соломея, уже после первой проведенной с хозяином ночи, стала считать себя хозяйкой и постоянно подчеркивала это свое положение, неприязнью и придирами.

Дня через два, после их появления в доме, хозяин приехал поздно и рассказал, что встречался на станции, с представителем немецкой власти в соседнем Браилове. Тот имел какие-то личные дела на нашей станции. Немец рассказал, что всех бежавших из Браилова в Жмеринку евреев (кого поймали), где-то около 250 человек, вывели на окраину поселка и, на берегу речки, — расстреляли. Всех, до единого, включая стариков и детей, предварительно отобрав все ценности и сняв с них одежду.

Соломея и Роза, молча выслушали эту страшную новость, понимая, что их ждала та же участь. Постепенно привыкла к своей ведущей роли в доме, Соломея, пришлось смириться с ролью прислуги за все и Розе. Так продолжалось довольно долго, никто их не тревожил. Фронт ушел далеко на Восток, что там и как, они не знали, так как никуда не выходили и, естественно, — ни с кем не общались, кроме хозяина, а он с ними разговаривал только по домашним делам. Но, где-то в зиму сорок второго года, хозяин стал раздражительным, часто приходил домой в сильном подпитии и наедине с собой, — на кого — то сильно ругался. Общался он больше с Соломеей, но, однажды уже в конце сорок третьего года — случилось то, что случилось.

Он приехал домой позднее обычного, ужинать не стал, разделся и пошел спать. Вошедшую в спальню Соломею, выгнал, обложив её румынскими и украинскими матами и приказал послать к нему — Розу, пусть она принесет стакан его любимого молдавского вина. Когда Роза принесла ему вино, он выпил стакан залпом и показал ей место на кровати, рядом с собой, проговорив: «Ложись, жидовочка!». Роза стояла перед кроватью в ночной рубашке, слезы заливали её лицо. Она не кричала, не просила, просто молчала, но в кровать не ложилась. «Тебя что — я укладывать буду!? — закричал он, сунул руку под подушку, вынул пистолет и взвел курок, — или ложись, или сейчас с койкой рядом ляжешь!»- прорычал он, приподымаясь с кровати. Роза не легла, скорее — просто упала в кровать. Хозяин — выключил ночник....

Утром, когда Роза зашла на кухню готовить завтрак, встретила там с ненавидящим взглядом Соломею, растапливающей дрова в плите. Они друг другу не сказали ни слова, все было понятно и так. Хозяин за завтраком, строго предупредил Соломею: «Смотри, «мама», тронешь пальцем или даже нехорошим словом Розу, — застрелю без всяких объяснений».

.....

Продолжение см. в интернет-магазине Amazon, Andronum, ЛитРес и др.